

Николай Стэф

Бункер штрафников

Николай Стэф

Бункер штрафников

«Автор»

2026

Стэф Н.

Бункер штрафников / Н. Стэф — «Автор», 2026

В фиолетовых джунглях пограничной планеты, захваченной Ксерксом — существом, перестраивающим ДНК живого, — четверо изгоев нашли убежище в старом бункере. Джинкс «Хром», бывший механик дронов, сломавший разум и машины в попытках научить их отличать людей от монстров. Линара, хакер с ожогом на щеке, знающая правду о генерале-предателе. Борис «Туман», снайпер первой волны, чья жена умерла из-за военной бюрократии, а сам он стал ходячим трупом с плазменным карабином. И Калёб — молодой солдат, чей страх ещё не обратился в цинизм. В темноте бункера они исповедуются друг другу, сплетаясь в братство, пока за стенами не начинается движение. Новый вид Ксерксов движется с невиданной скоростью. Время рассказов кончилось. Начинается бой — не только за жизнь, но и за право остаться людьми в мире, где человечность — роскошь, а доверие — смертельная ошибка. Психологический научно-фантастический триллер о войне, предательстве и цене правды, где враг снаружи лишь отражение монстров внутри нас.

© Стэф Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Стэф

Бункер штрафников

Пролог

Шёл 2254 год от Рождества Христова. Сектор «Замира» — так окрестили его звездные картографы, когда поняли, что за этой туманностью нет ничего, кроме пустоты и смерти. Дальняя граница изученного человечеством пространства, место, куда отправляли тех, от кого хотели избавиться, и где находили свой конец те, кто слишком много знал.

Война. Человечество воевало всегда. Сначала друг с другом, потом с соседями. Когда в 2047 году объединенные флоты Земли, Марса и пояса астероидов наконец договорились о перемирии, люди решили, что теперь-то наступит мир. Как же они ошибались.

К 2120 году человечество освоило двигатели, позволяющие сжимать пространство-время в гармошку. Корабли научились нырять в подпространственные тоннели и выныривать через неделю в системах, куда свет летел сотни лет. Колонии росли как грибы после дождя — правда, в отличие от грибов, эти колонии требовали постоянного полива деньгами, ресурсами и человеческими жизнями. Терраформинг стал обыденностью: если планета не подходила для жизни, люди делали ее подходящей. А если на планете уже кто-то жил? Ну, люди всегда умели договариваться. Иногда убедительными аргументами в виде кинетических бомбардировок.

К 2200 году человеческая цивилизация растянулась на триста световых лет в диаметре. Миллиарды людей жили на тысячах миров. Империя, какой не знала история — даже легендарные римляне с их акведуками и дорогами выглядели жалкой деревней по сравнению с тем, чего достиг человек. Проблема была лишь в том, что римляне хотя бы знали, кто их враги. Люди же в этом столетии только начинали понимать, что галактика не пуста, и не всё, что в ней обитает, готово терпеть присутствие двуногих приматов, называющих себя венцом творения.

Планета Лила-9 висела в иллюминаторе транспортного шаттла, как гниющий фрукт, опутанный плесенью джунглей. Её отличие от других похожих планет было в том, что поверхность покрывали не зеленые, а густо-фиолетовые леса. Семьдесят процентов суши утонуло в этом буйстве лилового, пурпурного, аметистового и сиреневого. С высоты орбиты это выглядело почти красиво — если бы не знаешь, что скрывается под этим великолепием. Если бы не знаешь, что каждая эта лиана, каждый этот цветок, каждый этот мох — часть огромного механизма, настроенного на одну-единственную цель: превратить тебя в удобрение.

Фиолетовый цвет — причуда местной звезды, старого оранжевого карлика, который выжигал в спектре все длины волн, кроме одной. Хлорофилл здесь не работал. Вместо него эволюция подарила растениям ретиналь — пигмент, который и придавал всему живому этот неестественный, колдовской оттенок. Листья толщиной в палец, лианы, способные перетянуть канат, цветы размером с голову человека, испускающие пряный, дурманящий аромат. Все это переплеталось в едином танце, в бесконечной борьбе за солнечный свет, которого, казалось, было вдоволь.

На деле же солнечного света было слишком много. Температура на поверхности редко опускалась ниже пятидесяти градусов по Цельсию. Влажность достигала ста процентов — воздух можно было пить, и, учитывая вкус, лучше бы вы не пробовали. И в этих условиях фиолетовые джунгли росли со скоростью, которую невозможно было представить. Если оставить базу без присмотра на неделю, она превратится в холм, покрытый лианами и мхом. Механизмы забивались органической слизью. Орудия покрывались плесенью, которая проедала сталь. Люди... люди быстро учились не снимать гермошлемы, потому что споры местных растений прорастали в легких за три дня. Легкие, покрытые изнутри фиолетовой плесенью, — зрелище не для слабонервных. И уж точно не для тех, кому еще предстояло дышать.

С орбиты было видно, как растительность пульсирует — словно единый живой организм дышит, перекачивая питательные соки по венам из лиан и мха. Это была не просто флора. Это была фабрика смерти.

Враг поджидал за каждым фиолетовым кустом, за каждой лианой, за каждым листом, который, казалось, следил за тобой сотней невидимых глаз. В этой красоте было что-то гипнотическое, притягательное. Местные говорили, что, если смотреть на джунгли слишком долго, начинаешь слышать голос. Голос, который шепчет: «Останься... стань частью...» — и это не метафора.

Ксенобиологи называли их Ксеркс. Имя древнего персидского царя, который перешел через Геллеспонт с миллионной армией, показалось уместным. Потому что эти твари тоже не знали пощады и не ведали страха и их тоже было не мало.

Ксерксы были гибридами — живой технологией, созданной единым суперорганизмом. Сложно сказать, где кончалась плоть и начинался металл, где кончался разум и начинался инстинкт. Их тела сочетали в себе хитиновые панцири, напоминающие броню земных жуков, и органические ткани, способные к регенерации; металлические импланты, вживленные прямо в нервную систему, и биолюминесцентные органы, которые светились в темноте мертвенно-зеленым светом. Они выглядели так, будто их создавал безумный биолог, который в детстве любил разбирать механизмы и собирать из них монстров.

Классификация ставила ксенобиологов в тупик. Ксерксы не были ни полностью органическими, ни полностью механическими. Их клетки содержали кремниевые включения — словно природа и машина слились в едином порыве, создав нечто среднее. Их ДНК была гибридной: четырехспиральная структура, способная к горизонтальному переносу генетической информации. Они могли «читать» ДНК любого организма на расстоянии — так биологи объясняли их способность переписывать генетический код жертв на лету, подчиняя их своей воле. На практике это означало, что вчерашний друг сегодня мог стать чудовищем, которое попытается вырвать вам горло, глядя на вас глазами, в которых еще теплится узнавание.

Никто не видел их «материнский мозг». Никто не знал, откуда они пришли. Было известно лишь одно: они не строят заводов и не добывают руду. Они появлялись внезапно, на планетах, которые люди считали своими, и захватывали их с пугающей легкостью. Не было никакой системы — они атаковали и отступали, появлялись и исчезали, словно проверяли оборону на прочность, словно играли с человечеством в кошки-мышки, где люди, к сожалению, были мышками.

Военное командование Земли было готово на все, чтобы узнать этот секрет. Разведка работала круглосуточно, сжигая миллиарды кредитов на бесполезные миссии. Они захватывали биомассу чужих планет, пытаясь понять структуру врага. Но Ксерксы не были чужаками в привычном понимании. Они не убивали животных — они переписывали их ДНК, подчиняя своей воле, как кукловод дергает нити марионеток. Захваченные планеты превращались в инкубаторы, где все живое перерабатывалось в оружие. Органический суп, из которого варилась смерть.

Технология Ксерксов была биопанком в чистом виде. Их оружие стреляло всем, чем угодно — от стальных снарядов до кислоты, от костяных игл до облаков спор, которые прорастали в легких жертвы за секунды. Они не утруждали себя дизайном. Им было плевать на эстетику. Им было плевать на все, кроме одного: продолжения своего существования.

Правда, Земляне пока видели лишь небольшие сооружения — даже не города, а скорее гнезда, ульи, временные лагеря. Командование мечтало найти центр, откуда все управляется — тот самый материнский мозг, который координировал действия миллиардов существ. Но пока это была лишь мечта, подпитываемая бесконечными докладами разведчиков, которые не возвращались. Возможно, центра не существовало. Возможно, каждый Ксеркс был сам себе центром. Возможно, человечество воевало с чем-то, что даже не замечало этой войны.

В этот ад на планете Лила-9 и прибыл транспортный корабль «Ковчег Покаяния» — так цинично штрафники называли свои летающие гробы. В этот раз на его борту находилось четыреста человек, приговоренных к смерти военным трибуналом. Вместо расстрела им дали шанс — бесконечно малый, почти нулевой. Военная бюрократия, как всегда, решила убить двух зайцев: избавиться от неугодных и проверить, можно ли использовать их как пушечное мясо. Ответ, как обычно, был «да».

Они были одеты в механические костюмы разных конфигураций. Тяжелые экзоскелеты пехоты, способные выдержать попадание из плазменной винтовки; легкие скафандры разведчиков, позволяющие двигаться бесшумно и незаметно; инженерные модули с набором инструментов, способных починить что угодно — от генератора до собственного сердца, если у тебя хватит смелости сделать себе операцию прямо в поле.

Костюм Линары был женской версии — более компактный и облегающий фигуру, с усиленными суставами и встроенным компьютером, который проецировал интерфейс прямо на сетчатку глаза. Керамические пластины поверх углепластикового каркаса, система активной маскировки, способная менять цвет в зависимости от окружения — дорогой скафандр, который она носила с гордостью, смешанной с горечью. Техник, облаченный в произведение инженерной мысли, которое теперь должно было стать ее гробом. Ирония, достойная пера Шекспира — если бы Шекспир писал про космос и монстров.

Их высаживали на передовые позиции, где сопротивление Ксерксов было самым ожесточенным. «Деритесь. Если выживете — может быть, вас простят». Никто не выживал. Лила-9 стала последним пристанищем для отбросов флота или для тех, кто слишком много знал. И для тех, кто просто имел несчастье попасть под горячую руку военной юстиции.

Посадка была жестокой. Шаттл, на котором летели четверо — Калерб, Джинкс, Борис и Линара — вошел в атмосферу под таким углом, что система гашения перегрелась и отключилась.

Капсула падала, как камень, прорезая фиолетовую пелену облаков, которые оказались не водой, а мириадами спор — микроскопических, легких, способных парить в воздухе годами. Иллюминаторы заливало фиолетовым светом. Корабль трясло так, что зубы выбивали дробь, а внутренности мечтали покинуть тело через любой доступный выход. Система гравитации сбоила, люди вжимались в кресла с силой в пять «же», а потом в десять.

В иллюминаторы было видно, как джунгли внизу шевелятся, как животное, готовое проглотить добычу. Казалось, что растительность тянется вверх, навстречу падающему кораблю, словно хотела поймать его, обвить, сжать, задушить. Приятный прием, ничего не скажешь.

Удар был чудовищным.

Шаттл врезался в фиолетовую чашу, пропахал добрых двести метров по земле, вырывая с корнем деревья и кустарники, оставляя за собой шрам из сгоревшей органики. Металл стонал, рвался, скручивался как бумага. Двигатели оторвались и улетели в джунгли, взорвавшись где-то вдалеке — по крайней мере, создав красивое фиолетовое зарево на прощание. Капсула кувыркалась, теряя детали обшивки, пока наконец не остановилась, врезавшись во что-то твердое — возможно, в скалу, а возможно, в остов другого шаттла, сбитого здесь неделями раньше.

Тишина после крушения звенела в ушах. Звенела так громко, что казалась звуком. Запах горелого пластика, брони, топлива и чего-то сладкого, приторного — цветочного, что ли? — заполнил внутренности капсулы. Вкус железа во рту, боль в каждой клетке тела, и только один вопрос, который крутился на языке у каждого: «Я жив? И что теперь?»

Внутри четыре человека. Они не знакомы. Перед посадкой они даже не смогли поговорить — их просто посадили сюда на станции и отправили. Со словами: «На месте познакомитесь».

Вот они и начали знакомиться после падения.

Кaleb пришел в себя первым. Его механический скафандр был цел — тяжелый бронированный «Атлас-7», разработанный для пехоты дальнего радиуса действия. Система жизнеобеспечения показывала: за бортом жара под пятьдесят градусов и стопроцентная влажность. Для этого места это была нормальная температура. Адаптация к этому была примерно, как привыкание к тому, что тебя каждый день бьют молотком по голове: в конце концов привыкаешь, но удовольствия не испытываешь.

Он моргнул, вытирая с забрала чью-то кровь — свою или чужую, непонятно. Отстегнул ремни, пытаюсь вспомнить, как дышать, как моргать, как вообще быть живым. Тело ныло, но кости вроде были целы — если, конечно, считать целым то, что не сломалось.

— Ну и денек... — выдавил он, выбираясь из кресла.

Первое, что он увидел, была Линара. Она висела вниз головой, зажатая перекрученной арматурой капсулы. Ее компактный скафандр был поцарапан, но цел. Через поцарапанное стекло шлема, была видна черная челка, прилипшая к лицу. Она была без сознания, но дышала — что уже было хорошим знаком, учитывая обстоятельства.

— Эй, — Кaleb подскочил к ней, пытаюсь отогнуть арматуру. Металл не поддавался. — Эй! Просыпайся!

Он дернул сильнее, своей механической рукой костюма, арматура хрустнула и согнулась. Линара упала ему на руки, открывая глаза.

— Ч-что... — прошептала она, хватая ртом воздух. — Что это было?

— Посадка, — хмуро ответил Кaleb. — Добро пожаловать на Лилу-9. Похоже, мы выжили. По крайней мере, пока.

Она оглядела разбитую капсулу, тела пилотов, вжатые в кресла — неподвижные, с неестественно вывернутыми шеями.

— Они походу мертвы, — констатировала она без эмоций. Голос звучал ровно, будто она констатировала погоду за окном.

— Ага, — кивнул Кaleb. — Повезло. Им не придется встречаться с местными аборигенами.

Джинкс уже копошился в обломках, пытаюсь достать свой разбитый дрон. Двухметровый ударный модуль с четырьмя роторными двигателями и турелью крупного калибра — его гордость, его любимая игрушка, его единственный друг, которого ему хоть и тяжело, но разрешили взять с собой на эту миссию.

Сейчас от дрона осталось то, что можно было описать словом «фарш».

— Ну, это просто замечательно, — выдохнул Джинкс, вытаскивая из груды искореженного металла что-то, что когда-то было управляющим модулем. — Просто замечательно. АААААА! — он заорал так, что Кaleb вздрогнул. — Я его три месяца собирал! Три! На собственные деньги, на голодном пайке, потому что в этой армии копейки платят! И что? И вот! — он потряс обломками. — В мусорку! Потому что какой-то специалист по баллистике на орбите не рассчитал угол входа в атмосферу!

— Успокойся, — сухо сказал Кaleb.

— Успокоиться?! — Джинкс развернулся к нему, и глаза его горели безумным огнем. — У меня там была система наведения на основе нейросети, я ее на сорока тысячах симуляций тренировал! Она могла распознать цель с точностью до миллиметра на дистанции в два километра! А теперь я могу использовать его как унитаз! И то — сомневаюсь, что он выдержит мой вес, учитывая, сколько я съел в последний раз.

Он швырнул обломки в стену капсулы и упал на пол, закрыв лицо руками. Плечи его тряслись — от гнева или от смеха, непонятно.

— Ладно, — сказал он наконец, поднимаясь. — Ладно. Пофиг. Починю. Я все починю. У меня руки золотые, а голова — хм, ну, по крайней мере, она на месте.

— И самомнение, — сказал улыбаясь, ещё один человек, который выжил.

Борис сидел на обломке переборки и пил из фляги. Его тяжелый экзоскелет «Гром-3» гудел, систематически проверяя свои сервоприводы. Через открытое забрало шлема было видно, как он сплевывает кровь на пол — при ударе он прикусил язык. Суший пустяк по сравнению с тем, что его ждало впереди, но в данный момент это было самое неприятное, что с ним случилось.

— Что, механик, жалко игрушку? — хрипло спросил он, утирая губы тыльной стороной перчатки. — А у меня вот язык — я его тоже долго растил собирал. Откусывать умеет, целоваться умеет, водку пить умеет. И вот, — он показал окровавленные пальцы, — теперь он умеет еще и кровью плевать. Как думаешь, мне за это доплачивать будут? Или это считается повышением квалификации?

— Закрой рот, ветеран, — огрызнулся Джинкс, но без злобы. Скорее по инерции.

Борис хмыкнул, отпил еще из фляги и сплюнул снова.

— Вкус крови. Давненько не пробовал. Как старый коньяк, — он причмокнул. — Хотя коньяк лучше. И дешевле. И не требует прикусывания языка.

Вокруг них стонал металл. Капсула остывала после входа, и металл сжимался, издавая звуки, похожие на стоны умирающего. Но был и другой звук — снаружи. Что-то влажное, чавкающее. Хруст.

Будто что-то огромное пережевывало обшивку корабля.

— Это еще что за приятная музыка? — насторожился Кaleb.

— Кого волнует, — Борис пожал плечами. — Может, местные аборигены решили полакомиться железом. Говорят, у Ксерксов жрать всегда на уме. Особенно если это железо с привадами в виде человеческого мяса.

— Ты воевал с ними раньше? — спросила Линара, потирая затекшую шею.

— Воевал, девочка, — кивнул Борис. — Три кампании. Три раза меня ранили, два раза хоронили, один раз я проснулся в морге и ушел оттуда в кабак. — он оскалился. — Если это тварь снаружи, я ее узнаю. Она не будет грызть металл. Она будет искать мясо. И, судя по запаху, я не думаю, что ей понравится наш ассортимент.

Линара, уже пришла в себя и быстро подключила портативный радар к своему костюму. Маленький черный ящик на ремне, который она вытащила из подсумка, замигал огоньками. Экран засветился голубоватым светом, покрылся рябью помех, а затем показал тысячи красных точек.

Она молчала несколько секунд, вглядываясь в экран.

— Что там? — спросил Кaleb, подходя ближе.

— Ксерксы, — ответила она голосом, в котором не было страха — только усталая констатация факта. — Они повсюду. Под землей, над землей, прямо за стеной шаттла.

Она повернула экран к остальным. Карта была усеяна красными точками плотностью, от которой засосало под ложечкой — чувство, которое Линара испытывала каждый раз, когда смотрела на результаты своей работы. Но сейчас это было не так приятно.

— Нас окружают, — сказал Борис. — Сраный сюрприз. Кто бы мог подумать, что на планете, кишасей тварями, нас будут ждать твари. Я надеялся на чай с печеньем и приветственный оркестр.

— Их не меньше двух тысяч, — добавила Линара. — В радиусе километра. Все движутся к нам.

— Мило, — хмыкнул Джинкс. — Очень гостеприимный мир. Может, у них там какая-нибудь туристическая программа? «Приезжайте на Лилу-9, вас сожрут с улыбкой». В стоймость включен проезд и последний ужин.

— Заткнись, — бросил Кaleb, вглядываясь в экран. — Линара, они уже знают, что мы здесь?

— Знают, — кивнула она. — Они всегда знают. Датчики движения, тепловые сигнатуры... Мы для них как свечи в темноте. Очень жирные свечи, которые еще и двигаются.

— Блестяще, — выдохнул Борис. — Просто блестяще. Я себе лучше в голову выстрелю, чем позволю какой-то фиолетовой херне меня сожрать. По крайней мере, это будет быстро и без очереди.

— Иди первым, — парировал Джинкс. — Я хочу посмотреть, как это выглядит. Мне нужно оценить качество твоей работы.

В этот момент стена шаттла прогнулась внутрь. Металл заскрипел, и в образовавшуюся щель просунулась длинная, покрытая слизью конечность, заканчивающаяся костяным накопчиком. Она была тонкой, но мускулистой, покрыта хитиновыми пластинами, которые переливались фиолетово-черным отливом в свете аварийных ламп. Конечность ощупывала воздух, словно пробовала его на вкус, выискивая что-то живое. Она двигалась с грацией танцора и с настойчивостью голодного.

— О, вот это уже интересно! — заорал Джинкс, отшатываясь. — Приятного аппетита!

Борис выхватил плазменную винтовку — тяжелый «Феникс-7» с встроенным охлаждением ствола — и выстрелил без команды. Вспышка осветила внутренности шаттла, на мгновение вырвав из темноты все детали: искореженные кресла, тела пилотов, лица четверых людей.

Конечность дернулась, зашипела, и исчезла. На металле остался едкий след — дымящаяся лужа слизи, которая разъедала сталь со злобным шипением, будто обиделась на такое обращение.

— Первое знакомство, — хмыкнул Борис, перезаряжая оружие. — Похоже, местные не рады гостям. Хотя, судя по тому, как она тянулась, она хотела познакомиться поближе.

— Ты ее убил? — спросила Линара, вглядываясь в темноту за отверстием.

— Сомневаюсь, — Борис покачал головой. — Я просто отогнал. Тварям все равно на боль. Ей нужно было всего лишь понять, кто мы, где мы и сколько нас. Точная информация — и тогда она вернется с подкреплением. Как вежливый гость, который ушел, чтобы позвать друзей на вечеринку.

— Ты же был в трех кампаниях, — сказал Калев, глядя на него. — Как их убивают?

— Всегда по-разному.

— Вот этим, наверное, отрывают головы, — просто ответил Борис. — Или сжигают дотла. Или взрывают так, чтобы куски разлетелись на атомы. Но если у них есть хоть одна клетка, которая уцелела, она регенерирует и вырастет в новую тварь. Поэтому, — он постучал по стволу винтовки, — я стреляю плазмой. Она не оставляет кусков. Только воспоминания и приятный запах горелого хитина.

— Потрясающе, — протянул Джинкс, прижимаясь к стене. — Мы попали просто в замечательное место. Я всегда мечтал о том, чтобы меня съела инопланетная тварь. Это было в моем списке желаний сразу после «научиться танцевать».

— Не ной, механик, — отрезал Борис. — Если ты собрался тут сдохнуть — иди в угол и сделай это тихо. Мы, остальные, попробуем жить. По крайней мере, чтобы потом было что вспомнить.

— Прекратите, — вмешался Калев. — Мы не умрем здесь. Мы умрем там, — он махнул рукой в сторону джунглей. — Если повезет. А пока — есть бункер. В трехстах метрах к югу. Навигационная карта показывает автоматический бункер, сброшенный с орбиты. Это наша цель. Мы займем его и будем держать оборону.

— Бункер, — фыркнул Джинкс. — Звучит как тюрьма. А я страдаю клаустрофобией. Вы знаете, что такое клаустрофобия? Это когда ты хочешь вылезти из собственной шкуры, потому что стены сжимаются и давят на тебя со всех сторон, и тебе кажется, что ты задыхаешься, хотя на самом деле просто паникуешь. И это приятнее, чем встреча с Ксерксами!

— Заткнись, — мягко сказал Калев. — Лучше тюрьма, чем жертва для этих тварей. Давай, проверь оружие и системы. У нас триста метров через фиолетовые джунгли. Это почти открытое пространство.

— Почти? — переспросила Линара.

— Потому что в джунглях они нас, скорее всего, тоже ждут, — вздохнул Калев. — Как хорошие хозяева, которые приготовили угощение.

Они выбрались наружу через пролом, который оставила конечность — Борис расширил его ударом приклада. Фиолетовые джунгли встретили их стеной звуков. Стрекот, шипение, хлопанье, как от влажных глоток; и низкий, инфразвуковой гул, от которого закладывало уши. Казалось, что сама планета издавала эти звуки, что она дышала, гудела, жила в такт с Ксерксами.

— Ну и запах, — поморщился Джинкс, включая фильтры в шлеме. — Смесь тухлого мяса и цветочного магазина. Как будто кто-то закопал труп под клумбой и решил украсить его розами. Очень... атмосферно.

— Это споры, — сказал Калев. — Не дыши без фильтра.

— Знаю, — буркнул Джинкс. — Я не идиот. Просто офигеваю от красоты этого места. Если бы не все эти твари, я бы подумал, что попал в рай. Правда, в рай с запахом смерти и температурой сауны.

Казалось, растения тянулись к ним, как щупальца голодных змей. Лианы, покрытые шипами, пытались обвить ноги; цветы размером с голову человека открывали свои лепестки, обнажая странные тычинки, похожие на зубы; мох, стелющийся по земле, светился тусклым фиолетовым светом, создавая иллюзию ночного неба под ногами.

Под ногами хрустела не земля, а слой органической корки, похожий на кожу. Каждый шаг оставлял след, который тут же начинал зарастать. Природа здесь была живым противником. Она наблюдала. Она дышала в такт их сердцам. И где-то в глубине этой чащи, под слоем фиолетовой листвы, скрывался разум Ксеркса — холодный, чужой, голодный. Он ждал, изучал, оценивал.

— Внимание, — сказала Линара, вглядываясь в экран радара. — Они приближаются. Расстояние — двести метров. С разных сторон. Кажется, они решили устроить нам торжественный прием.

— Круговая оборона, — скомандовал Калев, поднимая свой «Атлас-7». — Борис — вперед, я прикрываю. Линара — по центру, следи за радаром. Джинкс — ты сзади, смотри, чтобы нас не окружили.

— Сделаем, — буркнул Джинкс, выхватывая легкий плазменный пистолет. — Только если меня сожрут — я буду жаловаться командиру.

— Валяй, — усмехнулся Борис. — Я уже вижу твой труп, который кричит: «Почему я?! Я же механик! Я должен был сидеть в мастерской, а не умирать в джунглях!»

— Иди к черту, ветеран.

— Иди сам, я тут занят. Я пытаюсь спасти твою шкуру, пока ты ноешь.

Они двинулись вперед. Джунгли вокруг них шевелились, словно живой организм, который готовился сомкнуться, проглотить, переварить. Каждый шаг давался с трудом — растения цеплялись за ноги, лианы тянулись к шее, шипы царапали броню. Природа не хотела их впускать. Природа хотела их оставить здесь, в этой фиолетовой красоте, навсегда.

И где-то в глубине чащи разум Ксеркса уже знал, что люди не сдадутся без боя. Он ждал этой битвы. И он был готов. Как и они, как и все, кто когда-либо ступал на эту проклятую землю.

Их личная война только начиналась.

Глава 1

Отряд из четырёх человек отступал по джунглям, где лианы цеплялись за броню, словно пальцы уопленников, а из теней выныривали твари, будто сотканные из кошмара и металла. Выстрелы гремели, как удары молота по наковальне, и каждый шаг давался ценой пота и нервов. Воздух был настолько густым, что, казалось, его можно было резать ножом, а фиолетовый свет просачивался сквозь листву, создавая болезненные, неестественные узоры на их броне.

Борис бежал первым, его тяжелый экзоскелет с грохотом вминал в землю всё, что попало под ноги. Он даже не смотрел, куда наступает — ему было плевать, раздавил ли он цветок или череп какого-нибудь мелкого Ксеркса. Главное — двигаться.

— Я начинаю думать, что этот мир против нас! — прокричал Джинкс, уворачиваясь от лианы, которая попыталась обвить его ногу. — Это что, личный привет от местной флоры?!

— Заткнись и беги! — рявкнул Калев, стреляя через плечо в тень, мелькнувшую за деревьями.

Линара, пригибаясь, бежала следом, её глаза не отрывались от экрана радара. Красные точки множилось с каждой секундой.

— Они сжимают кольцо! — крикнула она. — У нас минута, может, две!

— Больше, чем достаточно, — хмыкнул Борис, не сбавляя шага.

Наконец, впереди, среди переплетения стволов и ползучих стеблей, показалась массивная конструкция — бункер, сброшенный с орбиты. Он приземлился уже давно, это было видно по следам — вокруг него выросла целая стена растительности, которая пыталась, но не могла поглотить сталь. Приземлился он не слишком удачно, под углом, врезавшись в почву, и теперь стоял, будто исполинский стальной зуб, вонзившийся в плоть планеты.

Его поверхность была покрыта вмятинами и следами атмосферного входа — местами обуглена, местами иссечена шрамами от осколков. По бокам тянулись ряды технических люков, многие из которых были сорваны или выбиты наружу. Спереди, в центре, зиял проём, над которым нависала тяжёлая бронированная дверь. Она была открыта и ждала гостей — как пасть огромного животного, которая, казалось, ухмылялась.

— Он выглядит так, будто его тоже наказали, как и нас, — пошутил Борис, останавливаясь и переводя дыхание. — Смотрите, даже он стоит криво. Как я после третьей бутылки.

— Я заметил, что ты всегда стоишь криво, — огрызнулся Джинкс, проскальзывая внутрь. — Но это место хотя бы не движется.

— Не движется? — переспросил Борис, заходя следом. — Ты уверен? Мне кажется, он наклонён градусов на пятнадцать. Мы будем спать под углом. Как в дешёвом мотеле на окраине галактики.

— Если мы будем спать, — парировал Джинкс, — ключевое слово если.

— Мне лично кажется, что мы тут не уснём, пока не сдохнем.

Они ворвались внутрь, тяжело дыша, и тут же потянули за рычаг, торчащий из стены справа. Дверь начала закрываться — медленно, с натужным гулом, будто сама планета сопротивлялась этому замыканию. Сначала она сдвинулась на сантиметры, потом пошла увереннее, скрежеща металлом по металлу. По периметру вспыхнули красные линии уплотнителей, словно вены, наполняющиеся кровью. С каждым мгновением щель становилась всё уже, и в ней мелькали фрагменты джунглей: дрожащие листья, тени, мелькание чего-то быстрого и хищного.

В последний момент, когда щель стала толщиной в ладонь, в неё просунулась конечность — та же, что и в шаттле, или другая, покрытая хитином и слизью. Она рванулась внутрь, пытаясь ухватить хоть что-то, но дверь продолжала закрываться. Конечность дёрнулась, издала звук, похожий на визг перегретого металла, и исчезла, оставив на пороге кусок хитина и капли едкой жидкости.

Наконец, с глухим, окончательным ударом, дверь встала на место, и замок щёлкнул, как приговор.

Тишина наступила мгновенно.

Внутри было тесно, душно и странно тихо — тишина, которая казалась почти враждебной после грохота выстрелов и криков монстров. Бункер наклонился, и это чувствовалось во всём — пол уходил под уклон, стены давили, а потолок, казалось, нависал слишком близко. Четверо десантников в механической силовой броне сидели, прижавшись друг к другу, и тяжело дышали. Их костюмы гудели, перекачивая воздух, но даже сквозь фильтры пробивался запах пота, страха и перегретого металла.

— Вот это дыра, — первым решил высказать своё мнение Борис, оглядываясь по сторонам с кривой усмешкой. Он постучал кулаком по стене, и звук отозвался глухим эхом. — Зато герметичная. Наверное. Если не считать, что половина систем, похоже, умерла ещё до посадки. Как моя тёща, царствие ей небесное.

— У тебя была тёща? — удивился Джинкс, пытаясь нащупать хоть какую-то ровную поверхность, чтобы сесть.

— Была, — кивнул Борис. — Теперь есть только фляга. Она меня не достаёт.

— Внутри он ещё страшнее, чем снаружи, — пробормотал Джинкс, оглядываясь. — Снаружи он хотя бы выглядел как здание. А здесь... он выглядит как гроб.

— Ну какой есть, — отозвался Кaleb, не отрывая взгляда от затвора своей плазменной винтовки. Он щёлкнул им, потом снова, машинально, будто проверяя, что реальность всё ещё поддаётся простым, понятным действиям. — Тут хоть есть шанс отбиться от тех тварей, что гонятся за нами. Снаружи такого шанса не было.

Линара не сводила глаз с экрана сканера. Её пальцы бегали по сенсорной панели, выхватывая данные, которые никто другой не успел бы прочесть. Она была сосредоточена, как хирург перед сложной операцией.

— Приготовьтесь, они нас сейчас догонят, этот бункер уже окружен, — сказала она ровным, чуть хриплым голосом. На экране мелькали красные метки — много, слишком много, и они приближались с пугающей скоростью. — Метров сто. И они не останавливаются.

— Значит, у нас есть сто метров времени, — хмыкнул Борис, делая глоток из фляги. — Хорошо. Я успею выпить.

— Я заметил, за то короткое время что мы знакомы, ты всегда успеваешь выпить, — заметил Джинкс.

— Это мой талант, — пожал плечами Борис. — Я мог бы выступать в цирке. «Человек, который пьёт быстрее, чем бегают Ксерксы».

Джинкс, который уже успел пристроиться у панели управления, хмыкнул и покрутил отвёртку в пальцах. Он осматривал оборудование с видом скульптора, который оценивает кусок мрамора.

— А внутри, кстати, не только амбразуры, — пробормотал он, указывая на ряд небольших отсеков вдоль стены. — Вот эти ящики, например, подписаны как «аварийный рацион». Судя по сроку годности, он был аварийным ещё до того, как этот бункер построили. Я думаю, содержимое можно использовать как ядерное оружие.

— Или как приправу, — усмехнулся Борис.

— Приправу к чему? — спросил Джинкс. — К смерти?

— Почему нет? — пожал плечами Борис. — Говорят, хорошо приправленная смерть — это почти искусство.

— А тут... похоже, аптечка, — продолжил Джинкс, указывая на другой ящик. — Или то, что от неё осталось. Бинты, немного антисептика и, кажется, инструкция на языке, который я не узнаю. Может, на ксеркском? «Как выжить, если тебя сожрали»?

— Очень полезная книга, — кивнул Борис. — Я бы купил.

— И ещё какой-то модуль, назначение которого я пока не понял, — добавил Джинкс, указывая на угловатый ящик в углу. — Может, вентиляция, а может, устройство для вызова такси. Кто знает. Если это такси, я надеюсь, оно приедет быстрее, чем те уроды снаружи.

— Я бы не рассчитывал, — сказал Калёб.

— Я никогда не рассчитываю, — вздохнул Джинкс. — Это моё правило. Никогда не рассчитывай на что-то хорошее в бункере.

Борис фыркнул и достал из-за пазухи флягу. Он открутил крышку, принялся, будто проверяя, не испортилось ли содержимое за последние пять минут, и сделал глоток. Жидкость была прозрачной, пахла спиртом и ещё чем-то техническим.

— Синтетический этанол, — пояснил он, заметив взгляд Линары. — Не спрашивайте, где взял. Главное, что есть. «Хотите?» — он протянул флягу.

— Спасибо, я пас, — буркнул Джинкс. — Я хочу умереть трезвым.

— А я хочу умереть пьяным, — возразил Борис. — Или хотя бы подшофе. Так веселее. И меньше боли.

— Ты уверен, что это этанол? — спросила Линара, не отрываясь от экрана. — А не ракетное топливо?

— Какая разница? — ухмыльнулся Борис. — Главное, что горючее. И оно греет.

За узкими окошками-иллюминаторами тянулась сплошная стена лиан — плотная, живая, будто дышащая. Сквозь щели пробивались лучи закатного солнца, окрашивая внутренности бункера в багровые тона. Время от времени какая-нибудь ветка дёргалась, будто по ней пробегала судорога, и тогда казалось, что джунгли прислушиваются к ним, выжидая.

И вот они появились.

Сначала мелькнули тени, быстрые и юркие, потом из-за завесы лиан выскочили существа — небольшие, похожие на собак, но с механическими вставками: металлические пластины на боках, провода, пульсирующие тусклым светом, челюсти, усиленные стальными накладками. Они двигались стаяй, слаженно, как единый организм, перекликаясь друг с другом визгливыми звуками. Их глаза горели красным — не светом, а отражением чего-то, что жило глубоко внутри.

— Гости! — крикнул Калёб. — Гости в гости!

— Приятно, когда тебя любят! — отозвался Джинкс.

Они бросились на бункер, щёлкая зубами и визжа, будто сами механизмы внутри них были настроены на одну ноту ужаса. Когти царапали бронированные стены, оставляя на металле белые следы. Они прыгали на двери, пытались протиснуться в вентиляционные решётки, искали любую щель, любую слабинку в обороне.

Автоматические лазерные турели на крыше бункера ожили с резким, сухим треском. Лучи вспыхнули, разрезая воздух, и первые твари рассыпались на куски, оставляя после себя запах горелой органики. Части тел — куски хитина, капли слизи, фрагменты металла — разлетались в разные стороны, шипя и дымясь.

Но остальные не отступали — они кружили, искали слабые места, бросались вперёд и отскакивали, как волны, бьющиеся о скалы. Они были упорными и безжалостными.

Десантники заняли позиции у амбразур. Калёб прильнул к прицелу, его броня тихо гудела, подстраиваясь под движения. Он выстрелил — плазменный заряд выжег дугу в воздухе и ударил в одного из монстров, отбросив его назад. Тварь зашипела, её металлические вставки оплавившись, но она попыталась подняться — и только второй выстрел снёс ей голову.

Джинкс, орудуя панелью, пытался синхронизировать огонь турелей. Его пальцы летали по сенсорному экрану, переключая режимы, подстраивая углы обстрела.

— Давай, давай! — бормотал он. — Работай, железная сволочь!

Турели перестроились, и их лучи начали бить в такт, создавая стену огня, через которую твари не могли прорваться.

Борис, не теряя своего циничного спокойствия, методично отстреливал тех, кто подобрался слишком близко из своей снайперской винтовки. Он стрелял медленно, почти лениво, но каждый выстрел находил цель. Крупный калибр сносил тварям конечности, пробивал их хитиновые панцири, оставлял в телах дымящиеся раны.

— Эй, ребята, если кто-то мечтает о героической смерти, — проворчал он, перезаряжаясь, — лучше подождите до следующей волны. Эта слишком мелкая, чтобы ради неё умирать. Я не хочу, чтобы в моём некрологе было написано: «Убит собакой с металлическими вставками». Это звучит как шутка.

— Твой некролог будет написан на фляге, — отозвался Джинкс, не отрываясь от панели.

— И это будет лучший некролог, — кивнул Борис.

— К тому же, мы только прибыли, и ещё ничего не посмотрели, — продолжил он, прицеливаясь в очередную тварь. — А я с детства люблю новые места. Правда, обычно они предлагают более гостеприимную программу. Где приветственный коктейль? Где экскурсия?

— Экскурсия отменяется, — сказал Кaleb. — Из-за погодных условий.

— Погодные условия — это Ксерксы? — уточнил Борис.

— Именно.

— Я так и знал. Никогда не верь туристическим буклетам.

Линара следила за радаром, её лицо оставалось неподвижным, но в глазах читалась усталость. Она видела, как красные точки приближались, как их становилось всё больше, как они пытались окружить бункер со всех сторон.

— Они отступают, — наконец произнесла она, когда красные метки начали смещаться назад, удаляясь от бункера. — Перегруппировываются. Возможно, позже повторят атаку.

— Как воспитанные гости, — заметил Борис. — Сначала изучают обстановку, потом наносят визит вежливости. Мне нравится их подход.

— Мне — нет, — пробормотал Джинкс. — Я предпочитаю, когда гости уходят.

— Они ушли, — успокоил его Кaleb. — Пока.

Снаружи стояла жара и влажность, воздух был густым, как сироп, и казался почти осязаемым. Внутри же царил спертый, тяжёлый воздух, пропитанный запахом пота. Он просачивался даже сквозь фильтры скафандров, оседая на языке горьким привкусом.

Кaleb снова щёлкнул затвором, потом замер, будто осознав, что делает это уже в десятый раз. Он посмотрел на своих товарищей — на Бориса, который всё ещё держал флягу, на Джинкса, уставшего возиться с панелью, на Линару, чьи пальцы замерли над экраном.

Тишина, наступившая после стрельбы, была хуже любого грохота. Она давила, сжимала грудь, заставляла чувствовать каждый удар сердца. В бункере было тесно, наклонно и душно. Стены, казалось, сдвигались, и с каждым выдохом становилось всё сложнее дышать. Джинкс сидел, прижавшись к стене, и его дыхание было поверхностным и частым — клаустрофобия начинала брать своё. Он пытался не смотреть по сторонам, но взгляд всё равно скользил по стенам, по потолку, по полу, и везде находил только тесноту.

Борис, напротив, выглядел спокойным, даже расслабленным. Он сидел на ящике, откинувшись назад, и крутил флягу в руках, насвистывая какой-то старый мотив. Но его глаза выдавали его — они были настороженными, внимательными, они следили за каждым движением товарищей.

Линара не поднимала головы. Её руки лежали на панели, но пальцы не двигались — она замерла, будто компьютер, перегруженный информацией. Её лицо было бледным, под глазами залегла тень усталости.

Говорить было не о чем, и в то же время хотелось говорить обо всём сразу, чтобы заглушить эту тишину. Но слова не находились, они застревали где-то в горле, смешиваясь с усталостью.

Наконец, Калёб решился нарушить молчание. Он откинул забрало шлема и провёл рукой по лицу, стирая пот.

— Есть предложение, — сказал он тихо, но твёрдо.

Все посмотрели на него.

— Нас, как вы все понимаете, всё равно отправили сюда умирать, — продолжил он, оглядывая каждого. — И я бы хотел знать, в компании каких людей мне предстоит это сделать.

Он замолчал, давая им время осмыслить его слова.

— Давайте сыграем в «исповедь», — предложил он, не глядя ни на кого конкретно, будто обращаясь к стенам бункера. — Расскажем, как каждый из нас оказался в этом аду. Хотя узнаем, с кем умираем.

Тишина сгустилась. Борис усмехнулся, но не возразил. Он покрутил флягу в пальцах, потом убрал её обратно.

— Ладно, — буркнул он. — Только не ждите от меня слезливых историй. Я не умею плакать. У меня сухость глаз от армейского пайка.

— Я тоже не умею, — добавил Джинкс, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Я... я согласен.

Он отложил отвёртку и откинулся назад, прислонившись к стене. Его плечи опустились, и на мгновение он показался гораздо моложе, чем был — почти мальчишкой, которого засунули в броню и отправили на войну.

— Я... честно говоря, я даже не знаю, с чего начать, — признался он тихо, почти шёпотом.

Линара долго молчала, глядя на экран, будто надеясь, что там появится что-то, что избавит её от необходимости говорить. Потом она медленно кивнула.

— Я знала, что всё так закончится, — сказала она, и голос её звучал ровно. — Мне нечего скрывать.

Калёб кивнул, будто принимая их слова, складывая их в какую-то внутреннюю карту, которая помогала ему держаться. Он осмотрел каждого из них, пытаясь найти в их глазах хоть что-то, что могло бы дать ему надежду.

— Мы все здесь по разным причинам, — подытожил он. — Но теперь мы здесь. Вместе. И, наверное, это единственное, что у нас есть.

— Отличная мотивация, — буркнул Борис. — Мы здесь, и это всё, что у нас есть. Я чувствую себя героем.

— Ты, я так понял, всегда чувствуешь себя героем, — парировал Джинкс.

— Это потому, что я и есть герой, — усмехнулся Борис. — По крайней мере, в своих глазах.

— Ты и в своих глазах выглядишь как пьяный ветеран, — заметил Джинкс.

— Это лучший вид героя, — кивнул Борис. — У трезвых героев нет стиля.

Калёб посмотрел на каждого по очереди, задерживаясь взглядом на мгновение дольше, чем нужно, словно пытаясь запомнить лица, чтобы потом, если придётся, вспоминать их в темноте. Броня скрипела при каждом движении, системы жизнеобеспечения гудели, и где-то в глубине бункера что-то капало — мерно, равномерно, как секундомер, отсчитывающий время до их конца.

— Кто начнёт? — спросил он, и тишина снова наполнила отсек, но теперь она была другой — не такой гнетущей, потому что в ней уже жили их голоса, их истории, их маленькие признания перед лицом неизбежного.

— Ну раз желающий нет, то я первый и начну, — сказал Калёб.

Глава 2

Калёб откашлялся — звук в тесном отсеке прозвучал неожиданно громко, будто кто-то ударил по пустой жестяной банке. Бункер накренился, и это чувствовалось даже в тишине: стены давили, потолок нависал, а пол уходил под уклон, заставляя их сидеть, прижимаясь друг к другу, как пассажиры в переполненном лифте.

Его голос, когда он наконец заговорил, был глухим, безэмоциональным, словно он читал сводку с экрана, а не рассказывал о собственной жизни. Только пальцы, сжимающие край сиденья, выдавали напряжение — они побелели в местах, где металл перчатки соприкасался с металлом скамьи.

— Планета Нова 3, — произнёс он, глядя не на товарищей, а куда-то сквозь переборку, будто видел за ней не металл, а бескрайние поля, уходящие за горизонт. — Серая, но не мёртвая. Небо там было бледно-жёлтым, почти болезненным, а земля — тёмной и жирной, пахла прелостью и чем-то сладким. Там росли пшеница, кукуруза, какие-то местные злаки, названия которых я так и не запомнил. Фермы стояли на холмах, каждая — как маленький остров среди океана полей: домики с крышами из рифлёного металла, амбары, загоны для скота, ветряки, которые скрипели на ветру, будто жаловались на свою судьбу.

Он замолчал, и в тишине было слышно, как где-то в глубине бункера капает вода — мерно, как секундомер, отсчитывающий последние минуты. Кап-кап. Кап-кап. Джинкс вздрогнул при каждом звуке.

— Люди там жили просто: вставали с рассветом, работали до темноты, а по вечерам собирались у кого-нибудь на веранде, пили травяной чай и говорили о погоде, о семенах, о том, как починить насос. Они не хотели войны. Они вообще не хотели ничего, кроме того, чтобы их оставили в покое. Даже космические корабли, пролетающие над их головами, были для них чем-то далёким, почти мифическим. Как рассказы о драконах или о том, что Земля когда-то была зелёной.

Линара молча достала из нагрудного кармана потрёпанный блокнот и открыла его на чистой странице. Её пальцы, привыкшие к сенсорным панелям, неловко сжимали карандаш — она почти забыла, как писать от руки, но сейчас это казалось правильным, почти священным действием. Она начала записывать — не всё подряд, а отдельные фразы, те, что звучали особенно тяжело, будто в них пряталась правда, которую нельзя было потерять. «Фермы на холмах», «ветряки скрипят», «чай на веранде» — слова ложились на бумагу неровным, но твёрдым почерком.

Джинкс, не выпуская из рук гаечный ключ, крутил в пальцах маленькую гайку. Она щёлкала о металл, и этот тихий, ритмичный звук странным образом подчёркивал паузы в рассказе Калёба. Гайка перекатывалась с ладони на ладонь, как чётки, и Джинкс даже не смотрел на неё — его глаза были устремлены в стену напротив, где трещина в бетоне напоминала карту неизведанной страны.

Борис хмыкнул, откинулся назад и скрестил руки на груди. Его фляга лежала на коленях, и он машинально поглаживал её пальцами, как домашнее животное, которое могло в любой момент укусить.

— Фермеры, — протянул он с лёгкой насмешливой интонацией. — Вечно эти фермеры. То им посевную надо, то дожди не те, то трактор сломался. А тут — межзвёздная война, Ксерксы, биомасса... и ты решил, что успеешь их всех вывезти на автобусе? Наверное, ты ещё и билеты им купил? Или у тебя был с собой складной автобус в кармане?

— У меня не было автобуса, — сухо ответил Калёб, не поднимая глаз.

— Жаль, — вздохнул Борис. — Автобус бы пригодился. Мы бы сейчас на нём уехали отсюда. Правда, не знаю, где бы мы нашли дорогу в этих джунглях. И водителя, который согласился бы везти нас через Ксерксов.

— Водитель был бы первым, кого съели, — заметил Джинкс, не отрываясь от гайки. — У него самая вкусная должность.

— У всех должностей вкусные, — хмыкнул Борис. — Вопрос, сколько времени тебя жуют.

Калёб даже не посмотрел на него. Он смотрел в ту точку на стене, где его взгляд нашёл невидимую цель — ту самую, которая маячила перед ним все эти месяцы, не давая покоя.

— Приказ был простой, — продолжил он тем же ровным голосом. — «Сравнить сектор с землёй. Враг не должен получить биомассу». Ксерksam всё равно, кого поглощать: коров, овец, коз или людей. Они перестраивают ДНК, встраивают свои структуры, делают из живых существ свои фабрики. Для них фермер — это просто набор белков и генов, который можно переплавить в очередного штурмовика или биореактор. Для них нет разницы между человеком и свиньёй. Мы все — просто удобрения. Разница только в том, сколько времени мы сопротивляемся.

Он на секунду замолчал, будто снова видел перед собой те поля, залитые предзакатным светом, и людей, которые ещё не знали, что их время почти истекло. Он видел их лица — загорелые, обветренные, с морщинками в уголках глаз от постоянного щура на солнце. Он видел их руки — грубые, покрытые мозолями, которые держали вилы и топоры, а не оружие. Руки, которые никогда не держали плазменной винтовки.

— Я видел эти поля, — тихо сказал он. — Видел, как ветер гонит волны по пшенице. Видел фермеров, которые стояли у ворот и смотрели на наши бронемашины, будто ждали, что мы скажем: «Всё в порядке, мы вас защитим». А я не мог их там бросить. Не мог нажать на кнопку и стереть их с карты, как будто их никогда не существовало. Я смотрел в их глаза, и я видел там надежду. Глупую, безнадёжную надежду на то, что кто-то придёт и спасёт их. И я был этим кем-то.

Джинкс перестал крутить гайку и поднял взгляд. Гайка замерла в его пальцах, и тишина стала глубже, почти осязаемой.

— Ты запросил подтверждение об эвакуации, — предположил он, скорее утверждая, чем спрашивая.

Калёб кивнул, и его броня скрипнула при этом движении — звук, похожий на стон умирающего механизма.

— В третий раз. Потом в четвёртый. Потом ещё раз. Я отправлял запросы по всем каналам: по зашифрованной связи, по резервным частотам, даже пытался выйти на штаб через спутниковую сеть. Каждый раз система отвечала одно и то же: «Ожидайте подтверждения». А время шло. Я смотрел на таймер, и каждая секунда казалась вечностью. Я просил дать мне ещё час, хотя бы тридцать минут, чтобы собрать людей и вывести их к транспортникам. Но подтверждения не было.

Его пальцы сжались в кулак, и на мгновение в голосе мелькнуло что-то острое, как лезвие, — первый признак эмоций за весь его рассказ.

— Я медлил. Всего семь минут. Семь минут, за которые Ксеркс прорвал оборону. Их волна ударила по нашим позициям, как цунами. Сорок моих сослуживцев погибли за эти семь минут. И фермеры... Они тоже погибли. Все до единого. Пока мы сдерживали прорыв, пока подтягивали резервы, пока наконец не остановили эту волну, было уже слишком поздно.

Он замолчал, и в этой тишине было слышно, как дыхание Линары стало чуть глубже. Она записала: «Семь минут». Подчеркнула. Потом ещё раз. Чернила почти проткнули бумагу.

Борис снова хмыкнул, но на этот раз в его смехе не было прежней насмешки — только горечь. Он открутил крышку фляги, сделал глоток, и его лицо на мгновение исказилось — то ли от вкуса, то ли от мыслей. Жидкость обожгла горло, но это было приятное жжение.

— Семь минут, — пробормотал он, пряча флягу обратно. — В нашем деле семь минут — это вечность. Или мгновение. Смотря с какой стороны смотреть. Сверху — это просто цифры на экране. Снизу — это жизни, которые ты не успел спасти. А посередине, — он провёл рукой по горлу, — это то, что решает, кто ты: герой или предатель.

— Герой или предатель, — повторил Джинкс, взвешивая слова. — А можно я буду просто механиком? Мне меньше ответственности.

— Нет, — отрезал Борис. — Ты будешь механиком-предателем. Или механиком-героем. Выбирай.

— Я выбираю выжить, — ответил Джинкс.

— Не вариант, — вздохнул Борис. — У нас тут не принимают заявки на выживание. Только на героическую смерть.

— Тогда я выбираю героическую смерть с флягой в руке, — усмехнулся Джинкс.

— Это мой выбор, — возразил Борис. — Выбери что-нибудь своё.

Линара подняла глаза от блокнота. Её взгляд был внимательным, изучающим, как у врача, который ставит диагноз.

— А потом тебя признали виновным, — тихо сказала она. Не вопрос — утверждение.

Калёб коротко кивнул, и его челюсть напряглась так, что желваки заходили под кожей.

— Да. Командование заявило, что компьютеры просчитали все варианты и приняли решение не пытаться спасти фермеров. Они сказали, что эвакуация была невозможна, что любая попытка вывезти людей привела бы к ещё большим потерям. А я... я просто не выполнил приказ.

Он сжал кулак так сильно, что побелели костяшки, и металл перчатки тихо скрипнул, будто протестуя.

— На трибунале я не стал спорить. Не стал кричать, что верил, что успею. Что думал, что эти семь минут дадут им шанс улететь. Что я просто хотел дать им время. Но меня всё равно сочли предателем. А когда пресса подхватила эту историю, командование пошло ещё дальше. Они выставили меня некомпетентным командиром, чьи решения привели к гибели фермеров. Как будто это я привёл Ксерксов на планету. Как будто я сам нажал на кнопку, которая уничтожила их.

В отсеке повисла тишина, густая и тяжёлая, как влажный воздух снаружи. Только тихий скрежет гайки в пальцах Джинкса нарушал её — он снова начал крутить её, на этот раз быстрее, будто искал утешение в механическом ритме. Гайка щёлкала о металл, как метроном.

Наконец, Джинкс вздохнул и положил гайку на панель. Звук металла о металл прозвучал как точка в разговоре.

— Знаешь, Калёб, — сказал он с кривой усмешкой, — если бы я был на твоём месте, я бы, наверное, вообще ничего не делал. Просто стоял и смотрел, как мир горит. Меньше проблем. Я вообще предпочитаю смотреть, как проблемы решаются без моего участия. Это дольше, но безопаснее.

— И потом тебя бы судили за бездействие, — возразил Калёб, и в его голосе мелькнула тень прежней иронии. — И приставили бы к стенке как труса.

— Трус — это тот, кто бежит от проблем, — заметил Джинкс. — А я просто предпочитаю переждать, не торопиться. Это стратегия.

— Стратегия, которая работает, пока ты не подыхаешь от голода, — хмыкнул Борис. — А когда ты подыхаешь от голода, стратегия становится тактикой выживания.

— Я не подыхаю от голода, я подыхаю от скуки, — парировал Джинкс. — И от клаустрофобии. И от того, что эти стены слишком близко. И от того, что я не могу нормально дышать. Но голод — нет, с голодом у меня всё в порядке.

— У тебя всё в порядке только с гайками, — заметил Борис. — И то не со всеми.

— Я могу починить что угодно, — обиделся Джинкс. — Даже твою флягу.

— Моя фляга не сломана, — возразил Борис.

— Она сломана морально, — парировал Джинкс. — Она устала от тебя.

Борис фыркнул, но на этот раз его голос звучал почти дружелюбно, будто он признавал поражение в этом споре.

— В этом деле, парень, ты всегда виноват. Либо ты сделал не то, либо не сделал то, что надо. Главное — найти, на кого свалить. А у командования с этим проблем никогда не бывает. У них всегда есть готовая кандидатура. Обычно — та, что не может защититься.

— Как мы, например, — добавил Джинкс. — Мы все здесь — виноватые. И самое смешное, что половина из нас виновата в том, что пыталась сделать что-то хорошее. Остальные — в том, что пытались сделать что-то плохое, но не успели.

— Хорошие намерения — это первая ступень в ад, — цинично заметил Борис. — Это я вам как ветеран говорю. Я уже видел, сколько людей с благими намерениями превратились в трупы. Хорошими намерениями вымощена дорога, которая ведёт либо на трибунал, либо в могилу. Или, как в нашем случае, и то и другое одновременно. Прямой маршрут, без пересадок.

— У тебя есть карта этого маршрута? — спросил Джинкс. — Я хочу знать, когда мы приедем.

— Мы уже приехали, — вздохнул Борис. — Добро пожаловать в конечную остановку.

Линара закрыла блокнот и убрала его обратно в карман. Её взгляд на мгновение задержался на Калебе, и в этом взгляде было что-то, что сложно было назвать сочувствием — скорее понимание, которое приходит только после того, как сам пережил нечто подобное.

— Спасибо, что рассказал, — тихо сказала она. — Теперь я понимаю, почему ты щёлкаешь затвором, когда нервничаешь. Это не привычка. Это способ напомнить себе, что ты ещё можешь что-то сделать. Даже если это ничего не меняет. Это как молитва, только с металлом.

Кaleb наконец посмотрел на неё, потом на остальных. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение — будто он сбросил с плеч тяжёлый груз, пусть и не до конца. Горькая усмешка тронула его губы.

— Не за что, — ответил он, чуть наклонив голову. — Теперь вы знаете, с кем сидите в этом бункере. С предателем, который хотел сделать хоть что-то правильное.

Борис закатил глаза, и его лицо исказилось в широкой ухмылке.

— Ну, если это делает тебя предателем, то я тогда вообще вне закона. Я столько приказов нарушал, что мне отдельный трибунал нужен. Или памятник. Ещё не решил. Склоняюсь к памятнику, потому что на трибунале мне уже скучно.

— Какой памятник? — уточнил Джинкс. — Из металлолома?

Джинкс хмыкнул, и в его голосе зазвучала лёгкая насмешка.

— Памятник из металлолома. С табличкой: «Здесь сидел человек, который всё испортил, но зато был настоящим человеком». Или: «Здесь сидел человек, который никогда не промахивался, но всегда промахивался с выбором».

— Я выберу второй вариант, — решил Борис. — Он более поэтичный.

— Поэтичный, — фыркнул Джинкс. — Ты вообще знаешь, что такое поэзия?

— Знаю, — гордо ответил Борис. — Это когда я пьян и говорю красиво. Остальное — просто слова.

— Ты, кстати, если захочешь, можешь быть моим литературным агентом. Я заплачу тебе одной гайкой в месяц.

— Я согласен, — кивнул Джинкс. — Но я хочу две.

— Две? — возмутился Борис. — Ты обнаглел!

— Это моя цена, — пожал плечами Джинкс. — Инфляция.

Линара едва заметно улыбнулась, слушая разговор своих коллег по несчастью — редкая улыбка, которая тронула её губы всего на мгновение, но сделала её лицо менее напряжённым, почти молодым.

Кaleb провёл рукой по лицу, стирая остатки пота, и на мгновение его плечи расслабились, будто он наконец позволил себе выдохнуть.

— Спасибо, — повторил он, на этот раз мягче. — Вы не обязаны были меня слушать.

— Мы не обязаны были сюда садиться, — парировал Борис. — Но мы здесь. И если уж за нас решили, что мы должны умереть вместе, лучше знать друг друга. А то вдруг кто-то из нас окажется бывшим палачом или тайным агентом Ксерксов. Это было бы неловко.

— Я не тайный агент Ксерксов, — сказал Джинкс. — Я слишком много чихаю для этого.

— Ты слишком много чихаешь, потому что ты механик, и у тебя аллергия на пыль, — заметил Борис.

— Это моя суперспособность, — гордо ответил Джинкс. — Я чихаю, и все враги разбегаются.

— Потому что думают, что ты заразен, — уточнил Борис.

— Это тоже работает, — пожал плечами Джинкс.

Кaleb посмотрел на своих товарищей — на Бориса, который держал флягу, как талисман, на Джинкса, который снова крутил гайку, на Линару, которая закрыла блокнот и смотрела на него с тихим вниманием. Впервые за долгое время он почувствовал, что не один.

— Я не закончил, — сказал он, и его голос стал чуть твёрже. — Я хочу, чтобы вы поняли, почему я это сделал. Не чтобы оправдаться. А чтобы вы знали, что в этом мире есть вещи, за которые стоит умереть. Даже если за это тебя называют предателем.

Он откинулся назад, и его взгляд снова стал далёким, устремлённым в прошлое.

— Я помню одного старика, — начал он. — Его звали Элиас. Ему было под семьдесят. Он растил кукурузу на холме, который называл «Мой маленький рай». У него были руки, покрытые шрамами — от работы, от ветра, от жизни. И он улыбался, когда я подошёл к нему. Он сказал: «Ты похож на моего внука. Он тоже служит. Надеюсь, он в порядке». А я смотрел на него и знал, что через час его не станет. Что его холм сровняют с землёй. Что его кукуруза сгорит. Что его внук никогда не узнает, что дедушка умер, улыбаясь незнакомому солдату.

Кaleb замолчал, и в его голосе появилась хрипотца.

— Я не мог нажать на кнопку. Не тогда, когда он улыбался. Не тогда, когда я видел его глаза. И я знал, что меня расстреляют за это. Но я всё равно не мог. Потому что, если бы я это сделал, я бы стал таким же, как они. Таким же, как командование. Таким же, как Ксерксы. Просто другой стороной одной и той же монеты.

Он посмотрел на товарищей, и в его глазах была твёрдая, непоколебимая уверенность.

— И, если я умру здесь, я умру с мыслью, что я хотя бы попытался. Что я не стал монстром. Что я остался человеком.

Тишина, которая наступила после его слов, была другой — не тяжёлой, а светлой, будто он впустил в бункер что-то, чего там раньше не было.

Борис медленно поднял флягу и протянул её Калебу.

— За фермеров, — сказал он просто. — За тех, кого мы не смогли спасти.

Кaleb взял флягу, сделал глоток и вернул обратно.

Глава 3

Кaleb помолчал, будто прислушиваясь к тому, как внутри него снова ворочается старая боль — та, что не уходит, даже если притворяться, что её нет. В бункере было тихо, только где-то в глубине гудели системы жизнеобеспечения, и этот гул напоминал дыхание спящего зверя. Пол под ними наклонялся, и каждый из них сидел, чуть сместившись в сторону, чтобы не скатиться к стене.

Потом он продолжил, и голос его уже не был таким безэмоциональным, как в начале: в нём прорезались нотки, которые он столько лет старательно глушил. Они пробивались, как трава сквозь асфальт, — слабые, но упрямые.

— Я ведь всё тогда продумал, — произнёс он, глядя на собственные пальцы, будто они могли подсказать ему, как правильно рассказать эту историю. — Я любил свою работу — стратегию. Мне нравилось раскладывать бой на ходы, как шахматную партию. И я был идеалистом.

Думал, что если всё рассчитать, если учесть каждую мелочь, то можно спасти даже тех, кого спасать, по мнению всех остальных, уже поздно.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Я был глуп. И верил, что армия — это место, где слушают разум. Где решения принимаются на основе логики, а не политики.

Джинкс, который снова возился с панелью, замер на секунду, потом тихо хмыкнул:

— Идеалист в разведке — это как кот в реакторном отсеке. Красиво, но долго не живёт. И пахнет потом.

— Кот в реакторном отсеке, — повторил Борис, постукивая пальцами по колену. — Хорошая метафора. Только коты хотя бы умеют приземляться на лапы. А идеалисты — нет. Они приземляются на трибунал.

— Или в бункер, — добавил Джинкс, обводя рукой тесное помещение. — Как мы.

— В бункер — это ещё повезло, — хмыкнул Борис. — Могли бы приземлиться в пасть Ксеркса.

— Пасть Ксеркса — это тоже бункер, — заметил Джинкс. — Только с меньшим количеством люков и одним выходом в конце туннеля.

— И с большим количеством кислоты, — кивнул Борис.

Кaleb не обратил внимания на их перепалку. Он смотрел на свои руки — на перчатки экзоскелета, которые когда-то были новыми, а теперь покрылись царапинами и потёртостями.

— Я думал, что они увидят, — тихо сказал он. — Что поймут.

Борис фыркнул и постучал пальцами по колену:

— Да ладно тебе, Джинкс. Идеалисты хотя бы сначала думают, прежде чем стрелять. Это уже плюс. Хотя в нашем деле чаще надо сначала стрелять, а потом думать. Или вообще не думать.

— Я предпочитаю сначала стрелять, — признался Джинкс. — Меньше времени на размышления. Меньше шансов, что тебя съедят, пока ты думаешь.

— Ты всегда стреляешь первым? — спросил Борис.

— Почти всегда, — пожал плечами Джинкс. — Иногда я стреляю вторым, но только если у меня сломалась пушка.

— Я правда ещё предпочитаю знать в кого стреляю, это меня и подвело.

— А если у тебя сломалась пушка, что ты делаешь? — уточнил Борис.

— Чиню, — гордо ответил Джинкс. — Я же механик.

— А если не чинится?

— Тогда я стреляю из чужой пушки, — пожал плечами Джинкс. — Это называется «адаптация».

— Адаптация, — усмехнулся Борис. — В армии это называется «воровство».

— В армии это называется «логистика», — парировал Джинкс.

Линара не стала ничего говорить. Она снова достала свой блокнот, но не начала писать сразу — просто держала его на коленях, словно ждала, пока слова Калеба обретут нужную форму. Карандаш лежал на странице, готовый записать что-то важное.

Кaleb будто не слышал их реплик. Он продолжал, теперь уже быстрее, будто боялся, что если остановится, то не сможет продолжить. Слова лились потоком, который он сдерживал слишком долго.

— Ксерксы на Нова 3 были медленными. Не как обычно. Обычно они быстрые, как молнии, а тут... они ползли, будто тяжёлые улитки в панцирях. Их панцири были тёмно-серыми, почти чёрными, с прожилками, похожими на трещины в камне. Они двигались медленно, но их было очень много — сотни, может, тысячи. Они шли сплошной волной, перекачиваясь через

холмы, как живой прилив. Земля под ними стонала, травы сгибались, и даже ветер, казалось, затихал перед этой армией.

Он прикрыл глаза, будто пытаясь удержать перед внутренним взором ту картину. Его пальцы снова сжались в кулак.

— И вот я смотрел на них и думал: «Они медленные. У нас есть время». Я считал секунды, раскладывал варианты. Я видел, что можно сделать. Можно было поставить заслон на перевале, где они вынуждены были бы идти узким фронтом. Можно было ударить по флангам, когда они втянутся в долину. А фермерам я хотел дать эти два часа. Просто два часа, чтобы они успели собрать самое важное и улететь.

— Два часа, — повторил Борис, и его голос стал тише. — Знаешь, в бою два часа — это целая жизнь. Или её конец. Всё зависит от того, как ты их используешь. Можно за два часа выиграть войну. А можно потерять всё. И даже не заметить, когда это случилось.

— Я заметил, — тихо сказал Кaleb. — Я заметил каждую секунду.

— И что ты сделал с этими секундами? — спросил Джинкс, и в его голосе не было насмешки — только любопытство.

— Я их потратил, — ответил Кaleb. — Потратил, как дурак. Я разработал план засады. Расписал всё: где поставить тяжёлые орудия, где разместить мобильные группы, как синхронизировать огонь, чтобы не зацепить фермы. Я даже учёл ветер и угол падения солнца — чтобы блики не слепили наводчиков.

Он замолчал, и в тишине было слышно, как Джинкс снова крутит гайку в пальцах — медленно, задумчиво.

— Я доложил командованию свой план, — продолжил Кaleb. — По всем каналам. Схемы, расчёты, прогнозы. Я был уверен, что меня послушают. Что они увидят: да, это рискованно, но шанс есть.

Он сжал кулак, потом снова разжал пальцы, будто пытался отпустить что-то, что держало его слишком крепко.

— А они... они выслушали. Пару минут посовещались. Я помню, как на экране мелькали иконки связи, как кто-то кивал, кто-то что-то печатал. А потом пришёл ответ. Не «план принят». Не «доработать». А «отказ в эвакуации, огонь на поражение». Тотальная зачистка сектора. Компьютеры просчитали: вероятность спасения фермеров — менее трёх процентов. Значит, спасать не надо.

— Три процента, — повторил Борис, и в его голосе послышалось что-то похожее на уважение. — Три процента — это почти ничего. Но это не ноль. Компьютеры любят проценты. Они не любят людей.

— Три процента — это шанс, — тихо сказала Линара, не поднимая головы. — Три процента — это не ноль.

— Для компьютера три процента — это ноль, — ответил Кaleb. — Для них всё, что меньше пятидесяти — несущественно. А для меня... для меня это были люди. Семьи. Дети, которые бегали по тем полям, пока я сидел в своей броне и думал, что делаю правильное дело.

Джинкс медленно положил отвёртку на панель. Гайка замерла в его пальцах.

— А потом? — спросил он.

— А потом узнаете, я не отдал команду, — сказал Кaleb, и голос его дрогнул. — Я ждал. Терял время. Размышлял, что делать.

Его голос стал совсем тихим, почти шёпотом, но в этом шёпоте слышалась такая боль, что воздух в бункере, казалось, стал тяжелее.

В отсеке повисла тишина. Джинкс замер с гайкой в пальцах. Борис перестал постукивать по колену. Линара не поднимала глаз от блокнота, но её карандаш дрожал в руке.

— Я слышал, как они умирали, — повторил Кaleb. — И я знал, что это я их убил. Своими сомнениями. Своими идеалами. Своей верой в то, что можно сделать по-другому.

Борис помолчал, потом хмыкнул с горькой усмешкой. В его голосе не было прежней насмешки — только усталость и что-то похожее на понимание.

— Знаешь, что самое смешное? Если бы ты тогда отдал команду «огонь», тебя бы сейчас называли героем. «Выполнил приказ, спас сектор, минимизировал потери». А так... ты просто дурак, который хотел спасти фермеров.

— Я и сам так думаю, — криво улынулся Кaleb. — «Я был дурак, — прошептал он, будто повторяя слова, которые столько раз говорил себе в темноте. — Я почему-то считал, что меня там могут послушать. Что мои расчёты, мои схемы, мои прогнозы — они что-то значат. Что командование смотрит на карту и видит не просто цифры, а жизни».

— Они видят цифры, — сказал Борис. — Всегда видят только цифры. А люди — это просто переменные. Если переменная не влияет на уравнение, её убирают.

— Я не хотел, чтобы их убирали, — тихо сказал Кaleb. — Я хотел, чтобы они жили.

— И ты заплатил за это, — сказала Линара, наконец поднимая глаза. — Ты заплатил свою цену. И теперь ты здесь.

— И теперь я здесь, — повторил Кaleb. — С вами. В этом бункере. Среди людей, которые тоже заплатили свою цену.

Линара закрыла блокнот и посмотрела на Калеба долгим, внимательным взглядом. В её глазах не было осуждения — только странная, почти материнская теплота, которая казалась неуместной в этой стальной коробке.

— Ты сделал то, что считал правильным, — тихо сказала она. — Это хуже, чем ошибка. Это... тяжелее. Потому что ты не можешь сказать себе: «Я просто выполнял приказ». Ты выбрал. И теперь живёшь с этим.

Кaleb посмотрел на неё, потом на остальных. Его взгляд скользнул по лицам товарищей, и на мгновение в нём мелькнула благодарность — редкая, почти неуловимая.

— Теперь вы знаете, какой я стратег, — произнёс он, снова проверяя затвор винтовки.

Он усмехнулся, и в его усмешке было столько горечи, что даже Борис, который за годы службы привык ко всему, на мгновение отвел взгляд.

— Знаете, — продолжил Кaleb, — я всё время думал: а что, если бы я отдал приказ? Что, если бы я нажал на кнопку и стёр тех фермеров с лица планеты? Может быть, мои люди остались бы живы. Может быть, я сейчас сидел бы в штабе, пил кофе и думал о том, как провести отпуск. Но я бы ненавидел себя. Я бы ненавидел себя за то, что стал таким же, как они. Как командование. Как компьютеры, которые считают людей цифрами.

Он посмотрел на свои руки, сжатые в кулак, и медленно разжал их.

— А теперь я ненавижу себя за то, что не стал таким. За то, что не смог быть монстром, когда это было нужно. За то, что я предпочёл остаться человеком, но потерял всех, кого пытался спасти. Какая-то ирония, правда?

Джинкс кашлянул и неуверенно поднял руку.

— Можно мне вопрос? — спросил он. — Ты считаешь себя предателем?

Кaleb задумался. Надолго. Так надолго, что Джинкс уже начал вертеть гайку снова, а Борис снова потянулся к фляге.

— Нет, — наконец ответил Кaleb. — Я считаю себя дураком. Предатель знает, что делает. А я... я просто хотел сделать правильно. И ошибся.

Кaleb помолчал, будто прислушиваясь к тому, как эхо его слов оседает на стенах бункера. Где-то в глубине металлической конструкции что-то скрипнуло — то ли балка, то ли вентиляция, то ли сама планета пыталась напомнить о своём присутствии. Потом он продолжил, и в голосе его уже не было той глухой отрешённости — только усталая твёрдость, как у человека, который перестал бояться темноты, потому что давно в ней живёт.

— Именно за то, что я был дураком, мне и впаили на суде статью: «Умышленное затягивание выполнения приказа, повлёкшее гибель личного состава и гражданских». Формулировка

звучала так, будто я специально тянул время, чтобы всё пошло прахом. Как будто я сидел и потирал руки: «А сейчас пусть все умрут». Как будто я был злодеем из дешёвого голо-сериала, который крутит усы и злорадствует.

— Ну, знаешь, — Борис хмыкнул и почесал щетину на подбородке. — В трибунале главное не факты, а формулировки. Если написать «проявил нерешительность в критической ситуации», звучит как проступок. А если «умышленно затягивал», то уже тянет на злодейство. Им надо было кого-то сделать виноватым. А ты как раз стоял и не стрелял. Идеальный кандидат. Ты даже не прятался, не убегал — просто стоял и ждал, когда умрут фермеры. Для них это было как подарок судьбы.

— Как будто я нанял Ксерксов, чтобы они сделали за меня грязную работу, — горько усмехнулся Калеб.

— А ты не нанимал? — притворно удивился Борис. — Я думал, ты заплатил им биомассой. У тебя же там были целые фермы с урожаем. Наверняка и коровы были.

— Коровы были, — кивнул Калеб, не поддерживая шутку. — И свиньи. И куры. И люди. Ксерксам всё равно.

— А вот трибуналу не всё равно, — заметил Джинкс, не поднимая головы от панели. — Трибунал любит, когда есть виноватый. Особенно если этот виноватый не может защититься.

— Это как охота, — добавил Борис. — Ты не убегаешь — ты просто стоишь. И они стреляют. Им неважно, виноват ты или нет. Им важно, чтобы кто-то был.

— И когда приговор огласили, я даже не удивился, — продолжил Калеб, и его голос стал чуть тише. — Меня приговорили к путешествию на эту планету. Туда, где сейчас сижу с вами. В место, откуда, как все знали, ещё никто не возвращался. Они даже не сказали: «Расстрелять». Они сказали: «Отправить на Лилу-9 в составе штрафного батальона». Звучало почти гуманно. Как будто давали второй шанс. Только все знали, что это не шанс. Это приговор с отсрочкой.

— Отсрочкой до первой атаки Ксерксов, — кивнул Борис. — Или до того, как джунгли сожрут твой скафандр. Или до того, как ты сам решишь, что лучше застрелиться. У этой планеты много способов убить. Ты просто выбираешь, какой тебе нравится больше.

Линара тихо вздохнула и снова открыла свой блокнот, но на этот раз не стала ничего записывать. Просто держала его на коленях, будто он помогал ей держаться ровно. Её пальцы гладили обложку, как талисман.

— После суда меня показывали даже в новостях, — продолжил Калеб, и в его голосе появились нотки горечи. — Там меня и прозвали «Могильщик». Картинка была эффектная: мой портрет в рамке, рядом — кадры с дымящимися фермами, голос диктора за кадром: «Цена нерешительности». Заголовок на бегущей строке: «Офицер, погубивший сектор». Как будто я сам поджёг эти поля.

— «Могильщик», — протянул Джинкс, пробуя слово на вкус. — Звучит как имя для героя. Или для злодея. В зависимости от того, на чьей ты стороне.

— На моей стороне была только совесть, — сказал Калеб. — И она, как выяснилось, не очень-то помогает, когда тебя показывают по всем каналам.

— Ну, совесть — она не для новостей, — заметил Борис. — Совесть для того, чтобы ночью не спать. А новости — для того, чтобы продавать рекламу.

Джинкс покрутил в пальцах какую-то деталь, потом положил её на панель. Металл звякнул, и этот звук прозвучал неожиданно громко в тишине.

— Пресса любит простые истории. Герой, злодей, трагедия. Сложные оттенки им не нужны. Им нужно, чтобы кто-то был виноват. А ты... ты просто оказался в нужном месте, чтобы стать этим «кем-то».

— У нас у всех свои ярлыки, — тихо сказала Линара. — Калеба называли Могильщиком. Меня — Тенью. Джинкса — Хромом. Бориса — Туманом. Все эти прозвища — как клеймо. Как напоминание о том, что мы сделали не так.

— Или о том, что мы сделали правильно, — поправил Калёб.

— Или неправильно, — согласилась Линара.

— И вот я на транспортном корабле, — сказал Калёб, закрывая глаза, будто перед ним снова развернулся тот самый трюм, с его запахами, звуками и лицами. — Он был переполнен. Не как обычный рейс, а как мусорный контейнер, набитый доверху. Там были все: убийцы, мародёры, дезертиры, те, кто просто не вовремя открыл рот. Я сидел в углу, прислонившись к холодной переборке, и молчал. Вокруг орал, спорили, кто-то смеялся, кто-то дрался.

Он открыл глаза и посмотрел на товарищей.

— А я всё вспоминал события той миссии и думал: как бы всё получилось, если бы я выполнил тот бесчеловечный приказ? Что, если бы я просто нажал на кнопку и стёр всё живое с лица планеты? Мои люди остались бы живы. Фермеры всё равно умерли бы, но я бы не сидел здесь, в этом бункере. Я бы сидел в штабе, пил кофе и думал о том, как провести отпуск. Может быть, я даже получил бы медаль.

Он помолчал, потом тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Но нет. Моя совесть мне бы этого сделать всё равно не позволила. Я бы потом не смог смотреть на себя в зеркало. Даже если бы меня назвали героем. Даже если бы мне дали звезду на погоны. Я бы знал, что я убил тех людей. Что я их предал. Что я стал таким же, как они.

Борис фыркнул, но в его смешке не было злости — только привычная горькая ирония. Он достал флягу, открутил крышку и сделал глоток.

— Знаешь, Калёб, если бы ты тогда всё сделал по уставу, тебя бы, может, и наградили. Но совесть — она такая штука: не вписывается в отчёты. Командованию нужны цифры, проценты, графики. А совесть у них в графе «неучтённые факторы». Как ветер. Как погода. Как человечность.

— Как фляга, — добавил Джинкс.

— Как фляга, — согласился Борис. — Фляга тоже не вписывается в отчёты. Но она есть. И она помогает.

Калёб слабо улыбнулся, и эта улыбка была почти тёплой.

— По стечению случая, при распределении меня определили к вам. Я до сих пор помню злорадную улыбку капитана, который отвечал за это распределение. Он посмотрел на моё дело, потом на меня, будто оценивал, сколько я продержусь на этой планете. И сказал: «Ну что, Могильщик, теперь ты ответишь за свои грехи».

Он помолчал, и его голос стал твёрже.

— Он думал, что я сломаюсь. Что я испугаюсь. Что я буду умолять его о пощаде. А я посмотрел на него и сказал: «Я уже ответил. И я готов ответить ещё раз».

— Капитан, наверное, обалдел, — хмыкнул Борис. — Он ждал, что ты будешь плакать, а ты ему — «готов ответить».

— Я не плачу, — сказал Калёб. — Я не умею. Всё, что я умею — это помнить. И ждать.

— Ждать чего? — спросил Джинкс.

— Ждать, когда я смогу сделать что-то правильно, — ответил Калёб. — Когда я смогу кого-то спасти. Когда я смогу доказать, что я не просто Могильщик. Что я — человек.

Линара подняла глаза. Её взгляд был спокойным, но в нём читалась твёрдая уверенность.

— Он хотел тебя задеть. Хотел, чтобы ты понял: тебя отправляют туда, где никто не выживает. Где даже не ждут, что ты вернёшься. Он хотел, чтобы ты сдался. Чтобы ты принял свою участь. Чтобы ты умер ещё до того, как ступишь на эту планету.

— Я это понял, — спокойно сказал Калёб. — И тогда я тоже понял: больше никто не будет решать за меня. Ни компьютеры, ни трибунал, ни капитан с его улыбочкой. Теперь я буду принимать решения сам. И отвечать за них тоже сам. Даже если эти решения приведут меня к смерти. Даже если они приведут меня в ад.

Борис молча встал, подошёл к Калебу и хлопнул его по плечу — не сильно, но так, чтобы тот почувствовал: он не один. Его ладонь тяжело опустилась на бронированное плечо, и этот жест был проще и искреннее любых слов.

— Могильщик, значит? — переспросил он с кривой усмешкой. — А знаешь, что? Мне даже нравится. Солидно звучит. Не «ошибся в расчётах», не «не справился», а «Могильщик». Как титул. Как знак отличия.

— Знак отличия, — усмехнулся Калеб. — Я бы предпочёл что-то менее мрачное.

— Мрачное — это когда тебя называют «Труп», — заметил Борис. — А «Могильщик» — это почти уважительно. Ты не просто умер, ты кого-то похоронил. Или кого-то похоронишь. В зависимости от обстоятельств.

— Я никого не хочу хоронить, — сказал Калеб.

— А кого ты хочешь? — спросил Борис. — Фермеров ты уже похоронил. Своих солдат ты уже похоронил. Себя ты уже похоронил. Осталось только нас.

— Я не хочу хоронить вас, — тихо сказал Калеб.

— Это хорошо, — кивнул Борис. — Потому что я тоже не хочу быть похороненным. Я хочу умереть стоя. Или пьяным. Или стоя и пьяным. В идеале — стоя, пьяным и с флягой в руке.

— И с почестями, — добавил Джинкс.

— И с почестями, — согласился Борис. — И чтобы в новостях сказали: «Погиб герой, который всегда знал, когда надо выпить».

— Ты будешь героем в своих глазах, — заметил Джинкс.

— Это главное, — пожал плечами Борис. — В чужих глазах я уже давно никто. Слишком много нарушений. Слишком много скандалов. Слишком много фляги.

Калеб посмотрел на Бориса долгим взглядом, и в его глазах мелькнула тень благодарности.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Ты не обязан был это говорить.

— Я не обязан был ничего говорить, — пожал плечами Борис. — Но я сказал.

Линара посмотрела на Калеба прямо, без жалости, но с уважением. Её глаза были внимательными и спокойными, как вода в глубоком озере.

— Ты поступил человечно, — сказала она просто. — Да, это стоило жизней. Да, это стоило тебе карьеры, имени, будущего. Но ты не стал машиной, которая просто выполняет приказы. Ты остался человеком. А в нашем деле это иногда самое трудное. Труднее, чем убивать. Труднее, чем умирать. Труднее, чем жить с этим.

Калеб медленно кивнул, и его плечи чуть расслабились.

— Спасибо, — повторил он. — Я не знал, что вы это поймёте.

— Мы все в одном бункере, — сказала Линара. — Мы все понимаем, что такое цена выбора. И мы все заплатили её.

В бункере повисла тишина — не гнетущая, как раньше, а другая, в которой было место принятию. Будто каждый из них мысленно кивнул: да, вот такой он, наш Калеб. И мы с ним. Даже если завтра мы умрём, мы умрём вместе.

Неожиданно для всех Джинкс поднял руку, как школьник на уроке, и криво улыбнулся.

— Теперь моя очередь, — сказал он, постучав пальцами по панели. — Я тоже кое-что могу рассказать. Не про трибуналы и не про новости. Про то, как я оказался здесь. И это, поверьте, история не менее безумная.

Глава 4

Джинкс начал говорить, когда фиолетовые сумерки за окнами бункера сгустились до состояния почти полной темноты. Только биолюминесцентные грибы на корнях гигантских

лиан, оббивших стены их временного убежища, излучали мертвенно-бледный свет — и этот свет падал сквозь амбразуры узкими, похожими на кинжалы лучами, рассекая воздух комнаты на куски. Линара сидела на перевернутом ящике с боеприпасами, обхватив колени руками, и её глаза — большие, темные, с красноватыми прожилками от недосыпа — метались от Джинкса к узким щелям в бронированных стенах, за которыми шептались, росли и дышали джунгли. Борис, массивный, с шрамом через левую бровь, стоял у одной из амбразур, прижавшись лбом к холодному металлу, и его дыхание оставляло на стали мутные овалы. Кaleb, самый молодой из них, сидел в углу, подобрав под себя длинные ноги, и теребил куртку так, словно пытался стереть с неё что-то невидимое.

— Я никогда не любил рассказывать эту историю, — сказал Джинкс, и его голос прозвучал странно — высоко, почти звонко, с той нервной поспешностью, с какой говорят люди, пытающиеся вырвать из себя что-то гнилое, прежде чем оно разъест их изнутри. — Никогда. Потому что каждый раз, когда я начинаю, я снова там. Снова в этой проклятой жиже, в этой зелени, которая не зеленая, а... фиолетовая. Как здесь. — Он замолчал, хрипло сглотнул, и его адамово яблоко дернулось, как у загнанного зверя. — Как здесь, черт возьми.

Он встал, прошелся по комнате тремя быстрыми шагами, остановился, снова сел. Его руки тряслись — тонкие, покрытые шрамами от ожогов и порезов, руки человека, который провел слишком много времени, возясь в чужих механизмах. Он посмотрел на них, как будто видел впервые, сжал в кулаки, разжал.

— Вы знаете, что такое «Кибер-Кулак»? — спросил он, не поднимая глаз. — Нет, конечно, не знаете. Почему вы должны знать? Это элитное подразделение. Самое элитное. Туда берут не тех, кто умеет стрелять — стрелять умеет каждый обезьянник с винтовкой. Туда берут тех, кто понимает машины. Кто чувствует их. Я был механиком. Не просто механиком — я был их механиком. Дронов-терминаторов. Серия «Адский Пес» — может, слышали? Нет? Да и ладно.

Он усмехнулся — коротко, безрадостно, и этот звук был похож на скрежет заржавевшего механизма.

— Я любил этих железяк больше, чем людей, — произнес он, и в его голосе не было ни сожаления, ни гордости — только констатация факта, тяжелая, как свинцовый груз. — Да, больше, чем людей. И сейчас люблю. Чего греха таить? Роботы предсказуемы. Они не предадут тебя в три часа ночи, не начнут истерику перед боем, не сбегут, оставив тебя один на один с... с этим. — Он махнул рукой в сторону амбразур, за которыми фиолетовая листва шелестела своим мерзким, чуждым шелестом. — Робот делают то, для чего запрограммирован. Точка. Если он убивает — он убивает, потому что так заложено. Если он защищает — он защищает до последнего болта. Люди же... люди — это хаос. Это мешанина из страха, жадности, трусости и внезапной, нелепой храбрости. С роботом всё просто. Ты знаешь, чего от него ждать.

Линара шевельнулась на ящике, и старый металл скрипнул под ней — звук, который в тишине бункера показался оглушительным. Джинкс вздрогнул, повернулся к ней, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то дикое — страх, может быть, или воспоминание о страхе.

— Прости, — тихо сказала она. — Продолжай.

— Отправили нас на планету, — выдохнул Джинкс, поворачиваясь обратно к темноте за амбразурами. Его голос ускорился, слова начали сливаться, обгоняя друг друга, как будто он боялся, что, если замедлится — никогда не договорит. — Не помню, как называлась. В отчетах она шла под кодом «Арфа-7», но мы звали её по-другому. «Кишка». Потому что, когда ты смотрел на неё из космоса — она была такого цвета... такого... — он замялся, подбирая слова, — грязно-зеленого. Как гнилой закат. Как рана, которая не заживает. Стратегически важная планета, разумеется. Всегда стратегически важная. Всегда есть что-то, что нужно вернуть, отвоевать, отстоять.

Борис отошел от стены, повернулся к Джинксу. Его лицо было каменным, но в глазах — в тех самых глазах, что видели, вероятно, слишком много — плескался тихий, усталый интерес.

— Ксеркс, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Ксеркс, — подтвердил Джинкс, и это слово прозвучало как проклятие. — Они были уже там. Глубоко. Поглотили полпланеты, перестроили ДНК всего живого. Там уже не было лесов — были они. Не растительность, а... орган. Живой, дышащий, пульсирующий орган Ксеркса. Каждое растение, каждая тварь — всё было пропитано им. Изменено. Искажено. Люди хотели вернуть контроль. Послали передовой отряд. Наспех построили базу — не базу, а помойку из старых бункеров и надежд. И дроны-терминаторы должны были её защищать. А именно этими дронами управлял я. Я, Джинкс. Или, как меня звали там, «Хром».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.